

УДК 97 (470)

БЕДНОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

Шаяхметова В.Р.

Пермский государственный университет, Пермь

Подробная информация об авторах размещена на сайте

«Учёные России» - <http://www.famous-scientists.ru>

Цель исследования – проведение анализа роста бедности и состояния человеческого потенциала в России на рубеже XX – XXI вв. В условиях, когда современные рыночные отношения не достигли цивилизованных форм, социальные преобразования также не приобрели необходимой глубины и последовательности. Нужда и лишения населения приняли устойчивый характер и провоцируют углубление демографического кризиса, сокращение средней продолжительности жизни, увеличение случаев смертности от «стрессовых» заболеваний и суицидального поведения.

Преодоление негативных последствий ломки советской модели социального обеспечения и перехода к либеральным принципам социальной политики в России на рубеже XX–XXI вв. вызвали тяжелейшие социальные болезни: депопуляция, текущая бедность населения – временная невозможность обеспечения собственными силами, поляризация общества. Эти болезни приобрели характер дестабилизирующего фактора в процессе становления социально-ориентированной экономики, они разрушающе воздействуют на традиционные механизмы функционирования общества и на развитие человеческого потенциала России.

«Шоковая терапия» и комплекс мер по либерализации экономических и социальных отношений, вопреки ожиданиям реформаторов, не позволили построить за короткий срок эффективную модель социально-ориентированного рынка. Благодаря свободному ценообразованию внутренний рынок постепенно наполнялся товарами, но одновременно с этим росла имущественная и социальная дифференциация общества. Правительство, согласуясь с принципами либеральной модели социальной политики, было намерено оказывать адресную помощь остро нуждающимся, считая, что рынок станет мощным стимулом для создания эффективного производства, восстановления утраченного за годы кризиса промышленного роста и, на-

конец, решения насущных социальных проблем. [1] В качестве «временной меры» на переходный период в условиях инфляционного роста в 1992 г. вводилась категория прожиточного минимума (далее – ПМ), под бюджетом которой понимался показатель норм потребления человеком важнейших продуктов питания, товаров первой необходимости и социальных услуг. [2]

В расчетах ПМ суммировались физиологически минимальные показатели потребления скромного набора продуктов с относительно дешевой стоимостью. При определении оценочной стоимости продуктового набора брались средние цены по России, без учета региональных особенностей, поэтому первоначальная величина ПМ в 1992 г. оказалась ниже реального потребительского бюджета. По мнению экспертов, только за один месяц 1992 г. потребительские цены выросли в 13–16 раз и затраты на питание в совокупном доходе среднестатистической семьи составили 70–75%. [3] Ограниченное потребление и бедность затронули 90% населения, увеличив по сравнению с 1991 г. количество лиц, опустившихся на социальное дно, на 35%. [4] В группы риска наряду с «традиционно бедными», т.е. с лицами, обладающими низкими доходами (инвалидами и пенсионерами, многодетными и неполными семьями), также вошли работники бюджетной сферы, квалифицирован-

ные рабочие, занятые в оборонных отраслях, военнослужащие, формируя значительные группы «работающих бедняков».

Поскольку ПМ приобрел характер формальной величины, в 1993 г. Министерство труда было вынуждено ввести нормативно-статистическую методику расчета. В ней данные о потреблении бедных групп сопоставлялись с нормами физиологического потребления питательных веществ и расхода энергии в разных возрастных группах, с рекомендациями Всемирной Организации Здравоохранения. [5] Подобный подход можно оценить как более приближенный к реальной ситуации, но из-за неоперативной работы Госкомстата по измерению среднестатистических цен в 16 регионах страны, и непредставительной выборки (в каждом из регионов была своя шкала потребительских цен) итоговая величина ПМ не соответствовала темпам роста инфляции. В 1996 г. стоимость продуктовой корзины в бюджете ПМ составила 68% и остальные 32% были недостаточны для приобретения товаров первой необходимости, оплаты коммунальных и иных услуг при высоком инфляционном росте цен. [6]

Юридическое оформление важной социальной категории – ПМ – в условиях перехода к рыночным отношениям явно опоздало. Как фундаментальный в системе нормативно-правовых актов по социальному обеспечению закон о ПМ должен был предшествовать другим, но в окончательном варианте он вступил в действие только в 1998 г.

В качестве инструмента смягчения социальной дифференциации, снижения неравенства в доходах и сокращения удельного веса низкооплачиваемых работников в 1992 г. вводился обязательный социальный стандарт – минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ). Определение цели – обеспечение минимума гарантий в оплате труда основной части работающего населения, критериев, процедуры установления и порядка регулирования МРОТ – перекликалось с положениями Конвенции Международной организации труда «Об установлении минимума заработной платы с особым учетом развивающихся стран», действующей с 1972

г. в более чем 60 странах мира. Непрерывный рост стоимости жизни объективно требовал систематического пересмотра величины МРОТ, поэтому в 90-е гг. вводился механизм ее автоматического корректирования путем индексации всех денежных доходов населения, включая социальные выплаты. [7] В период с 1 октября 1989 г. по 1 апреля 1996 г. Правительством России было принято 16 федеральных законов, повысивших МРОТ с 70 руб. до 75900 руб. в месяц (до деноминации), т.е. более чем в 1000 раз. [8] Эти повышения поглощал инфляционный налог, ведь за тот же период покупательная способность рубля снизилась более чем в 5000 раз. Механизм индексации МРОТ изначально не нацеливался на реальное восстановление покупательной способности заработной платы, поскольку определялся уровнем текущей инфляции на внутреннем рынке и состоянием кредитно-финансовой системы. Так, в 2000 г. величина МРОТ – 83 руб. 49 коп. приравнивалась к 5% среднемесячной заработной платы или 7% ПМ, гарантируя российскому работнику ограниченное потребление в течение двух дней в месяц. [9] Величины ПМ и МРОТ как индикаторы социальной ответственности российской экономики не способны поддержать потребление бедных групп на уровне удовлетворения минимальных жизненных стандартов и, в конечном итоге, не могут нивелировать социальную дифференциацию населения. ПМ, играющий роль черты бедности в расчетах Росстата, соответствует уровню денежного выражения минимального потребления продуктов питания, товаров и услуг, с трудом обеспечивающим лишь **выживание** индивида. В мировой практике под чертой бедности понимаются такие условия **существования** индивида, при которых государством гарантированы структура и качество потребления, возможности реализации основных физиологических и социальных потребностей, и также возможно обеспечение индивидуальных особенностей потребления и степени доступности различных общественных благ (услуг здравоохранения, образования, культурного досуга и пр.). Принципы новой социальной доктрины в России – заявительность и адресность –

фактически «провисли» на уровне деклараций и были сведены к корректированию государством рыночных механизмов по перераспределению ВВП. Значительным упущением современной системы социального обеспечения в России стало отсутствие юридической базы конституционных гарантий и действующего механизма контроля за выполнением социальных гарантий, что обернулось асоциальной деятельностью исполнительных органов власти. Так распространенной ситуацией становится нецелевое использование ими социальных средств.

Трудно определить количество бедных в России, поскольку в отчетах и исследованиях Росстата, ВЦИОМ и Левада-Центра присутствуют различные данные. Очевидны запутанность и нелогичность методик измерения ПМ, МРОТ, потребительского бюджета, и несовершенство среднестатистических подходов и пр. По утверждению некоторых исследователей, 8–10% населения или домохозяйств с низким социальным и экономическим потенциалом могут быть отнесены к группам с высоким риском бедности. [10] Из-за отсутствия образования, необходимой квалификации и межсемейной поддержки эти группы в большей степени нуждаются в государственной опеке посредством реализации программ прямой или адресной поддержки. Значительная же часть населения, отнесенная Росстатом к бедным или так называемые «работающие бедняки», нуждается только в создании условий, при которых их образование, здоровье, профессионально-квалификационные знания и навыки будут востребованы. При условии содействия государства формированию эффективного рынка труда и созданию стратегического пространства для вовлечения в создание прибавочного продукта экономически активного населения занятость станет лучшим способом самозащиты населения в любых жизненных ситуациях. Поддержка активных программ занятости населения и осуществление реформы оплаты труда остро необходимы именно в настоящий период. Несмотря на многочисленные заявления представителей государственной власти о невозможности решения социальных задач в усло-

виях экономической стагнации, важно понять, что снижение социального неравенства и легализация неформальных доходов на рынке труда могут подстегнуть экономический рост. Наибольший интерес представляет методика Лейденского измерения, при которой респонденты сами обозначают уровень дохода, достаточный для удовлетворения их жизненных стандартов. При низком уровне потребления у некоторых групп населения сформировались заниженные потребности, и зачастую они определяют желаемый доход немногим выше, чем ПМ. В связи с этим крайне актуальными являются задачи разработки государственных стандартов по основным показателям уровня и качества жизни населения, пересмотра методики определения структуры и стоимостной величины потребительских расходов всех социально-демографических групп населения России с целью приближения ее к реальной действительности.

Влияние социально-экономических, демографических и психологических обстоятельств реформирования на рубеже XX– XXI вв. на состояние человеческого потенциала не изучено учеными в полной мере, но общее представление о последствиях подобного влияния в современной России сформировано даже у рядовых граждан. Многие назовут высокую смертность при сокращающейся рождаемости, появление беспризорников и бездомных, рост преступности и социально опасных заболеваний и т.п. Вопрос оценки качества человеческого потенциала не праздный, поскольку особая демографическая ситуация в нашем государстве не оставляет надежд на быстрый прирост экономически активного населения. Она вступает в противоречие с целями реформаторов перейти от инерционного, энергосырьевого сценария к стратегии инновационного развития страны, чтобы добиться кардинального приумножения производительности труда и ВВП. Нельзя не брать в расчет и ощущения социально-экономической несостоятельности, которые особенно распространены у лиц с низкими доходами – «работающих бедняков», и вызваны невозможностью интеллектуальными и физическими усилиями повысить уровень личного

материального обеспечения. Эти категории лиц, находясь в длительном стрессовом состоянии, апатично относятся к целям и задачам модернизации страны и, что немаловажно, не имеют мотивов к расширению своего репродуктивного поведения. Поскольку Россия не может рассчитывать на сохранение и увеличение демографического потенциала за счет естественного прироста, многие ученые и представители политических кругов предлагают государству реализовать комплекс особых мер по отношению к беженцам и вынужденным переселенцам. Ведь приезд соотечественников из стран ближнего зарубежья с положительным и быстрым решением всех вопросов трудоустройства, получения гражданства и т.д., скорее исключение, чем обыденное явление. Но, представляется неразумным рассматривать миграционные потоки как панацею от бед депопуляции, поскольку в них преобладают лица с невысоким уровнем грамотности и квалификацией. И в то же время, только демографическими программами, главным принципом которых является материальное стимулирование рождаемости, проблемы сохранения и преумножения населения решить в полной мере невозможно. Введение материнских капиталов, увеличение размеров ежемесячных детских пособий и единовременных пособий при рождении ребенка неизбежно приводит к повышению рождаемости в асоциальных и маргинальных семьях, для которых эти выплаты являются основным источником денежных доходов. Подобными действиями государство формирует слой безнадзорных детей, которые не способны к успешной социотрудовой адаптации в силу безграмотности, сформированного устойчивого девиантного или делинквентного поведения, низких показателей физического и психического здоровья. При анализе опыта западных государств, культивирующих либеральную модель социальной политики, видно, что явные успехи в демографическом развитии (особенно, в увеличении продолжительности жизни) были обеспечены значительными государственными затратами на охрану окружающей среды, образование, здравоохранение, развитие научных исследований, пропаганду

здорового образа жизни. Предоставляя объективную информацию о смертности и рождаемости в средствах массовой информации, эти общества преодолели массовое безразличие к этим проблемам на разных уровнях, начиная с государственной власти, и заканчивая обывателями. Таким образом, основными причинами бедности в России являются падение среднего уровня реальных доходов россиян и неподготовленность социальных ведомств к условиям переходного периода. В России социальная политика переориентирована на повышение личной ответственности граждан за личное материальное обеспечение, сохраняются признаки социальной ограниченности, которая представлена попытками государственной власти повышать не реальные, а номинальные размеры доходов населения (МРОТ, пенсии, пособия и т.д.) для покрытия роста инфляции. Выход из ситуации расширения текущей бедности и депопуляции в условиях современной России видится в компенсации потерь путем реализации комплексной государственной политики по рациональному использованию и улучшению качества имеющегося человеческого потенциала по следующим показателям: уровень доходов, уровень образования и уровень здоровья, связанный с продолжительностью жизни.

Чтобы начатая государственной властью кампания борьбы с бедностью не стала очередным историческим мифом, необходимо в условиях ограниченности финансовых ресурсов перераспределить имеющиеся средства на те группы, которые объективно отличаются низким социально-экономическим потенциалом. Реализация адресной субсидиарной поддержки бедных категорий населения, наряду с комплексными программами демографического развития и занятости должны стать основой стратегии сокращения бедности и социально-экономической модернизации страны. Создание условий для повышения качества человеческого капитала, эффективного использования человеческих способностей к труду должны стать приоритетной целью государственной социальной политики, направленной на поиск возможностей адекватно реагировать на социальные вызовы времени и форми-

рование благополучного социального самочувствия своих граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гайдар Е.Т. Записки из зала. М., Евразия, 1995. – С.13–15.
2. Указ Президента РФ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения РФ» №210 от 2.03.1992 г. // Российская газета. 1992. 7 марта. – С.5.
3. Ведута Е.Н. О социальных последствиях концепции бюджетного послания Президента РФ на 1993 год // Обозреватель. 1993. №10. – С.15.
4. Реформирование России: мифы и реальность. М.: Академия, 1994. – С.122.
5. Указ Президента РФ «О неотложных мерах по стабилизации уровня жизни населения РФ в 1993 году» // Деловой мир. 1993. 8 апреля. – С.12.
6. Бурджалов Ф.Э. Современная социальная политика: между планом и рынком. М.: Гардарика, 1996. – С.197.
7. Закон РСФСР «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР» от 24.10.1991 г. Российская газета. 1991. 12 ноября. – С.3.
8. Законы РСФСР от 19.04.1991 и 6.12.1991 гг.; Постановление Правительства РСФСР от 15.11.1991 г.; Законы РФ от 21.04.1992, 13.11.1992, 30.03.1993, 14.07.1993 гг.; Указ Президента РФ от 05.12.1993 г. и т.д.
9. Социальная защита. 2000. №11. – С.4.
10. Сайт журнала «Мир России». 2001, №1. http://www.hse.ru/journals/wrlross/vol01_1/Ovcharova/ovchrova.htm.

POVERTY AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN CONDITIONS OF THE REFORMS (XX–XXI CENTURIES)

Shayakhmetova V.R.

Perm' state university, Perm'

The purpose of research – carrying out of the analysis of growth of poverty and demographic development of Russia in conditions of the reforms (XX–XXI centuries). Modern market attitudes do not carry the civilized forms, and social problems also have not received necessary depth and sequence of the decision. Need and deprivations became steady, reproduced conditions of a life which provoke a deepening of demographic crisis, reduction of average life expectancy, increase in cases of death rate from "stressful". The author is convinced, that essential economic growth in Russia is possible on the basis of an effective utilization of all available resources, first of all, human potential.